

И.А.Бунин

Рассказ «Лапти».

Автор презентации: Афонина Т.В.,
учитель русского языка и литературы
Ивано-Гудинской основной школы

Иван Алексеевич Бунин,
выдающийся русский
писатель, почётный
академик императорской
Академии наук и лауреат
Нобелевской премии,
проживший 34 года за
границей, но продолжавший
любить Россию,
восхищаться её природой и
удивляться загадочности
русской души.

Определение жанра

Рассказ – это прозаическое произведение, в котором нарисовано одно, реже – несколько событий с малым количеством действующих лиц.

Пятый день несло непроглядной вьюгой. В белом от снега и холодном хуторском доме стоял бледный сумрак и было большое горе: был тяжело болен ребенок. И в жару, в бреду он часто плакал и все просил дать ему какие-то красные лапти. И мать, не отходившая от постели, где он лежал, тоже плакала горькими слезами, - от страха и от своей беспомощности. Что сделать, чем помочь? Муж в отъезде, лошади плохие, а до больницы, до доктора, тридцать верст, да и не поедет никакой доктор в такую страсть...

Стукнуло в прихожей, - Нефед принес соломы на топку, свалил ее на пол, отдуваясь, утираясь, дыша холодом и вьюжной свежестью, приотворил дверь, заглянул:

- Ну что, барыня, как? Не полегчало?

- Куда там, Нефедушка! Верно, и не выживет! Все какие-то красные лапти просит...

- Лапти? Что за лапти такие?

- А господь его знает. Бредит, весь огнем горит. Мотнул шапкой, задумался. Шапка, борода, старый полушубок, разбитые валенки, - все в снегу, все обмерзло... И вдруг твердо:

- Значит, надо добывать. Значит, душа желает. Надо добывать.

- Как добывать?

- В Новоселки идти. В лавку. Покрасить фуксином нехитрое дело.

- Бог с тобой, до Новоселок шесть верст!

Где ж в такой ужас дойти!

Еще подумал.

- Нет, пойду. Ничего, пойду.

Доехать не доедешь, а пешком, может, ничего.

Она будет мне в зад, пыль-то...

Фуксин – красная
анилиновая
краска; широко
применяется для
окрашивания
волокон,
текстильных
изделий, кожи

И, притворив дверь, ушел. А на кухне, ни слова не говоря, натянул зипун поверх полушубка, туго подпоясался старой подпояской, взял в руки кнут и вышел вон, пошел, утопая по сугробам, через двор, выбрался за ворота и потонул в белом, куда-то бешено несущемся степном море.

Пообедали, стало смеркаться, смерклось - Нефеда не было. Решили, что, значит, ночевать остался, если бог донес. Обыденкой в такую погоду не вернешься. Надо ждать завтра не раньше обеда. Но оттого, что его все-таки не было, ночь была еще страшнее. Весь дом гудел, ужасала одна мысль, что теперь там, в поле, в бездне снежного урагана и мрака. Сальная свеча пылала дрожащим хмурым пламенем. Мать поставила ее на пол, за отвал кровати. Ребенок лежал в тени, но стена казалась ему огненной и вся бежала причудливыми, несказанно великолепными и грозными видениями. А порой он как будто приходил в себя и тотчас же начинал горько и жалобно плакать, умоляя (и как будто вполне разумно) дать ему красные лапти:

- Мамочка, дай! Мамочка дорогая, ну что тебе стоит!

И мать кидалась на колени и била себя в грудь:

- Господи, помоги! Господи, защити!

И когда, наконец, рассвело, слышалось под окнами сквозь гул и грохот вьюги уже совсем явственно, совсем не так, как всю ночь мерещилось, что кто-то подъехал, что раздаются чьи-то глухие голоса, а затем торопливый зловещий стук в окно.

Это были новосельские мужики, привезшие мертвое тело, белого, мерзлого, всего забитого снегом, навзничь лежавшего в розвальнях Нефеда. Мужики ехали из города, сами всю ночь плутали, а на рассвете свалились в какие-то луга, потонули вместе с лошадью в страшный снег и совсем было отчаялись, решили пропадать, как вдруг увидели торчащие из снега чьи-то ноги в валенках. Кинулись разгрести снег, подняли тело оказывается, знакомый человек.

- Тем только и спаслись поняли, что, значит, эти луга хуторские, протасовские, и что на горе, в двух шагах, жильё... За пазухой Нефеда лежали новенькие ребячьи лапти и пузырек с фуксином.

